

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 22-го Июня 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12118

ЕЯ УЛЫБКА.

...Только что вернулась домой,— я играла въ лаунъ-теннисъ,— переодѣлась, по-дошла къ туалету, чтобы освѣжить одеколономъ шею и плечи и... ваше письмо.

Ахъ, какое кощунство! Татьяна положила его на мою перламутровую пудренницу, а сверху оказался душистый черный карандашъ.

Вашъ обычный, строгій, коричневый конвертъ. Почему такой темный? Вы же влюблены, милый, понимаете,— влюблены. Любви подходятъ розовые, зеленые, бѣлые и красные цвета.

Это веселые цвета. Объяснить вамъ?

Розовый—ожиданіе. Полузакрытые глаза. Еще ни одного намека, только губы иногда такъ протяжно улыбаются. Но губы еще сами не знаютъ чего хотятъ.

Зеленый—*plein air*. Отъ него вѣтъ ароматнымъ весеннимъ садомъ. Аллейки, скамьи, много тѣни. Это бѣглая встрѣчи.

Зеленый—это перваяshalовливость, легкое кокетство.

Кончикъ туфельки, которая выглядываетъ словно остроносая собачка изъ-за

СОБЫТИЯ ВЪ АЛБАНИИ.

Снимки для „Южнаго Края“.

Волонтеры принца Вида, охраняющие рѣку близъ Дураццо.

узорной ширмы. Этотъ цвѣтъ говоритъ, что глаза уже начинаютъ немного просыпаться. Улыбка на губахъ яснѣе, яснѣе. Совсѣмъ зеленый лугъ.

Бѣлый—это признаніе. Вы уже рассказали, какъ плачетъ и томится ваша душа, а она выслушала и отвѣтила непредѣленной улыбкой. Это бѣлый, ясный цвѣтъ. Уже нѣтъ мѣста для намековъ. Вы ей пишете нѣжные, красивые стихи. Вы мечтаете о ней, какъ о своей бѣлой невѣстѣ, о лиліи, плавающей въ зачарованномъ лунномъ свѣтѣ. Это бѣлый цвѣтъ.

Красный—поцѣлуи и объятія. На своемъ бѣломъ платьѣ ваша возлюбленная уже носитъ алые розы. Это знойный радостный цвѣтъ. Онъ мнѣ напоминаетъ смѣлья пѣсни и побѣдный звонъ колоколовъ!

Ну вотъ. А вы всегда мрачный, коричневый. Лицо хмурое, коричневое, галстуки темные, коричневые, письма коричневыя.

Ха-ха-ха! Я прочла ваше письмо: слова тоже коричневыя...

Даже страшно! До сихъ поръ за мной ухаживали спортсмены, помѣщики, изящ-

Раненые малиссоры и миридиты на смотрѣ.

Австрійский матросъ ведетъ раненаго въ госпиталь.

Типы солдатъ — миридитовъ.

Церковная процесія съ епископомъ Каціори во главѣ сопровождаетъ отрядъ прибывшихъ въ Дураццо изъ Алезіо миридитовъ.

Bertha von Suttner

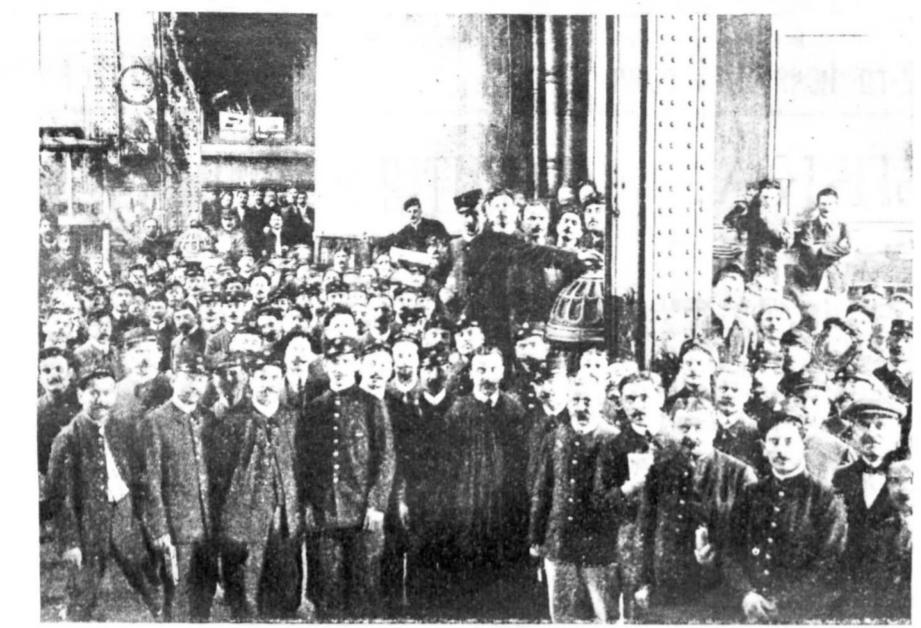
Баронесса Берта фонъ-Зутнеръ,
извѣстная писательница, на-дняхъ скончавшася.
(Отъ нашего корреспондента).

ные адвокаты, двойственные артисты. Мой мужъ былъ веселымъ милитаристомъ. И вдругъ приватъ-доцентъ. Пахнеть библиотекой и клиниками.

Не сердитесь, милый. Я не могу себя передѣлать. Мнѣ всегда говорили, что я слишкомъ рѣзвая и очень много смѣюсь. Это даже не кокетство, какъ вы говорите, — это моя природъ. Я такъ сдѣлана. Смѣшно, напримѣръ, ругать кошечку за то, что у нея такие зеленые-зеленые и таинственные глаза! Она такъ сдѣлана.

Я просто немного избалована и жизнью, и людьми. Свободна, богата и, говорить, очень красива.

(Вы согласны, милый, что я очень красива? Ну, скажите! Вѣдь, я же женщина. Мнѣ кажется... Догадайтесь).

1. Забастовщики въ зданіи главной почты. 2. Почтальоны у стола съ неразобранный корреспонденціей.

Недополненные медлительности, склонившаго обсуждение прибыли изложены были забастовщиками, посыпавши ими, а сортировщики и пакетчики другое. На 10 июня, изъ Парижа не было получено никаких посылок и писемъ. Съ раннего утра среди служащихъ было сильное возбуждение. Ихъ было тысячъ, и никто вродѣ именъ со словами: „Дай 400 франковъ, долой генерала!“. Вскорѣ начали баррикады, чтобы не впускать и не выпускать людей. Подсѣжившая полиція была встрѣчена градомъ камней и гвоздей, посыпано. Весь округъ почтамта скоро оказался на свидѣніи горожанъ. Конфликтъ былъ уложенъ на переговорахъ министра почты Томсона настоять на удовлетвореніи требованій.

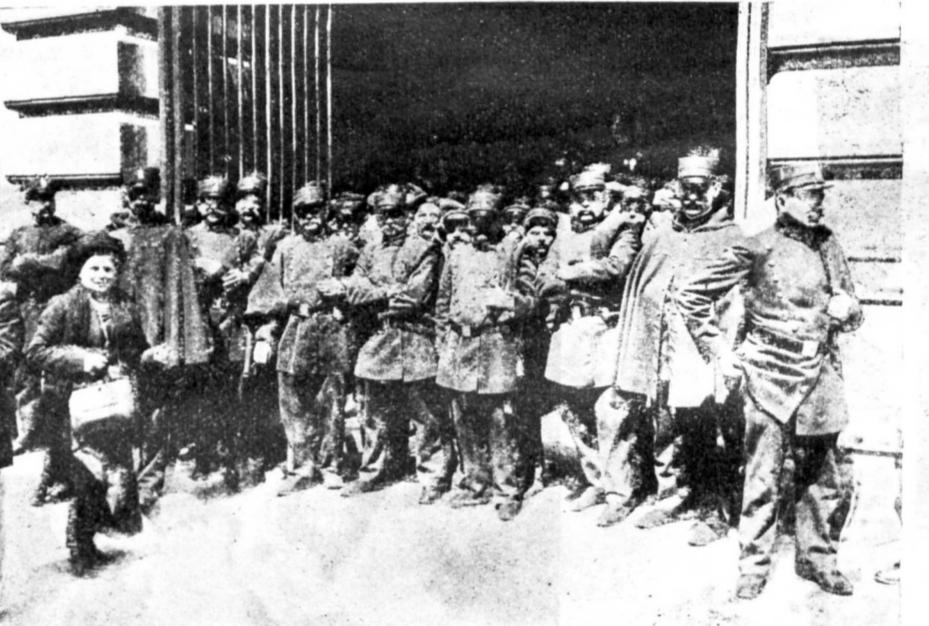

Писательница Н. Б. Нордманъ-Северова,
другъ И. Е. Рѣпина.

Скончалась 17-го июня.

Передача по верандѣ забаррикадировавшимъ почтальонамъ.

1. Задержанные почтальонами почтовые фургоны, вытянувшись въ линію возль главной почты. 2. Полицейский нарядъ у входа въ главную почту.

Развѣ я виновата?

Когда мнѣ было только двадцать лѣтъ, мой мужъ ужасно неудачно свалился съ лошади. Черезъ мѣсяцъ — похороны. Все произошло такъ быстро, что я ничего не могла понять. Вообще, меня всегда упрекали въ холдности, эгоизмъ, почти жестокости. Впрочемъ, нашелся одинъ умный человѣкъ, который однажды сказалъ мнѣ, что такимъ людямъ, какъ я, легко живется. Это правда.

Развѣ я виновата?

Однажды я гуляла въ саду съ однимъ молодымъ художникомъ, который былъ въ меня влюбленъ. Онъ подарилъ мнѣ красную розу и сказалъ, что я такая же знойная и яркая, какъ она. Сказалъ и вздохнулъ.

Я разсмѣялась и спросила:

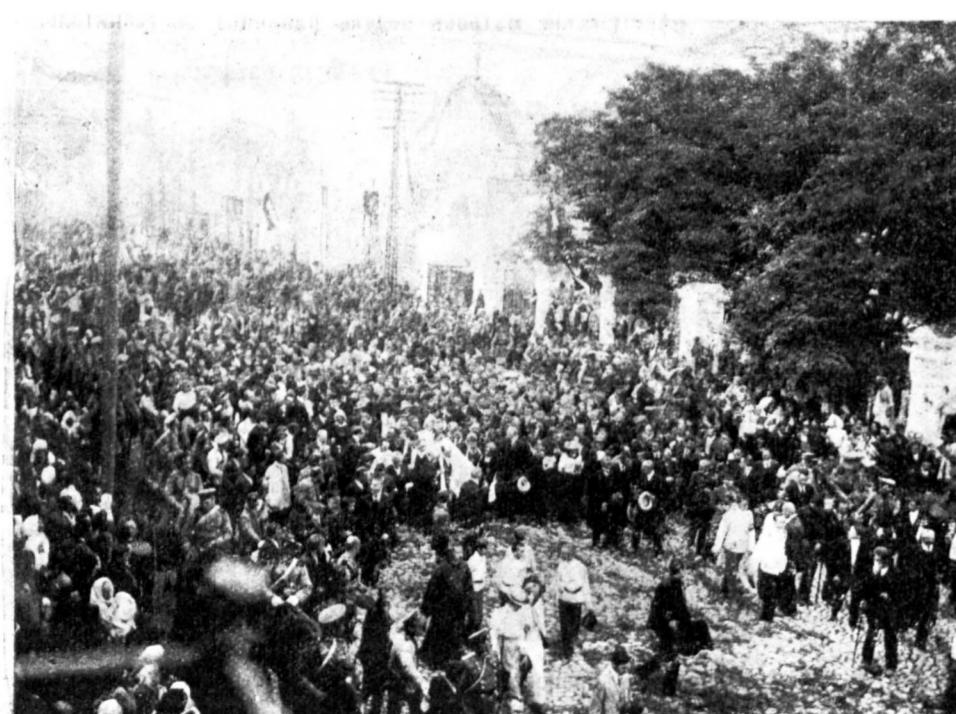
— Развѣ это плохо?

— Нѣть, но иногда такъ больно.

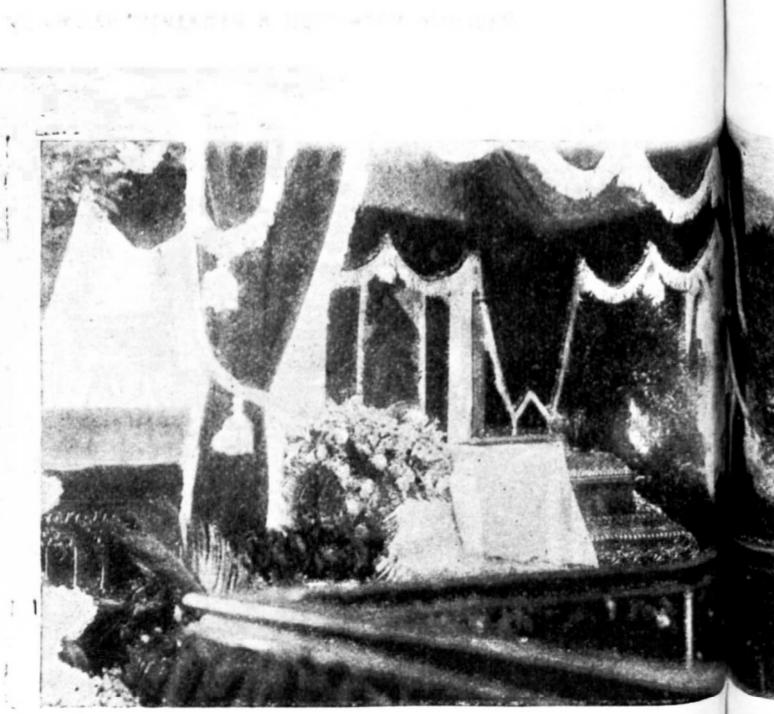
— А можете вы сдѣлать эту розу бѣлой или голубой?

— Конечно, нѣть,

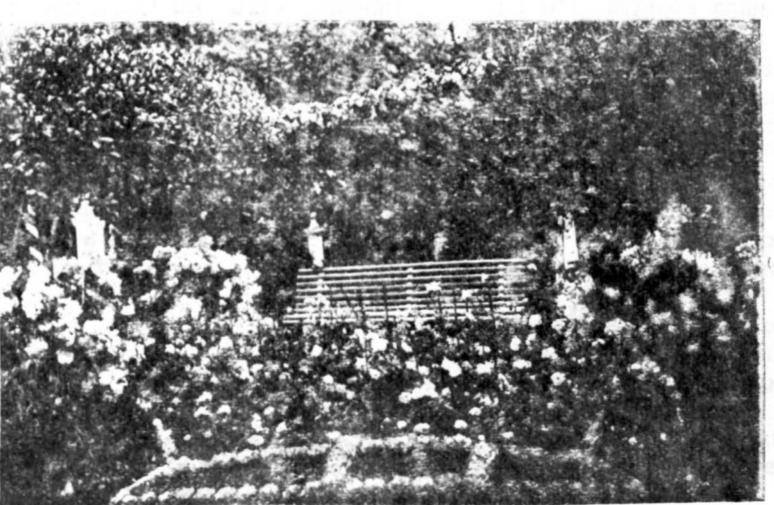
— Ну, вотъ. Значитъ, я невиновата, и на меня не нужно сердиться.

Послѣ литія въ соборѣ.

Гробъ съ тѣломъ П. И. Харитоненко въ старой Троицкой.

Могила П. И. Харитоненко (въ цветахъ).

Процессія съ вѣнками.

А вы все сердитесь. Знаете, милый, васъ испортили очень умныя книги. Воображаю, сколько вы прочитали!

Ну, ну, засмѣйтесь,—моя библиотека въ сюртучкѣ. Помните, какъ вы брали меня, когда я читала „Пѣсни Билитись“ Пьера Луиса? Красиво и весело. А вы все сидите надъ своей антропологіей, тонете въ фоліантахъ, и изъ коричневыхъ переплетовъ торчатъ только ваши ушки.

Паровозы берутъ съ собой запасъ угля, а вамъ не мѣшаетъ сдѣлать запасъ глупости. Вы черезчуръ трезвый и всегда много разсуждаете.

Повѣрьте, дорогой, любовь ничего общаго не имѣетъ съ какою-нибудь антропометрической задачей! (Видите, я тоже немного

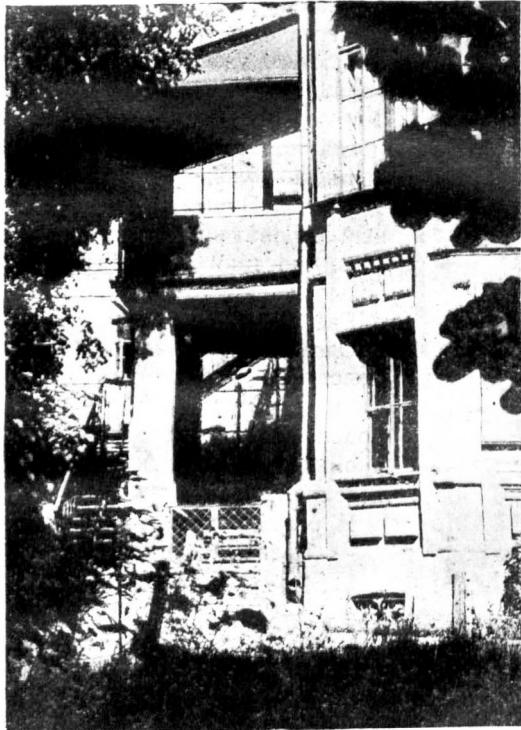
Новый домъ Южныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Постройка дома почти закончена; въ настоящее время снимаются лѣса.

Снимокъ для „Южнаго Края“ фот. „Идеалъ“.

КЪ ПОКУШЕНИЮ НА ГРАБЛЕНИЕ КВАРТИРЫ А. Г. ХАРИНОЙ:

Снимки для „Южнаго Края“ фот. „Идеалъ“.

Балконъ, черезъ который грабители проникли въ квартиру.

«Вѣрные сторожа»—собаки, охраняющіе домъ Хариной и не почувявши грабителей.

усвоила вашу науку. Вѣдь, вы такъ часто говорите о скучныхъ вещахъ).

Боже мой, исписала весь почтовый листикъ и ни словомъ не коснулась вѣщаго письма! Разрѣшите сдѣлать перерывъ. Мнѣ очень хочется кушать. Я слышу, что Татьяна уже накрыла на столъ и ждетъ звонка. Вотъ, если бы вы не сердились и не выдумывали глупостей, то сегодня мы обѣдали бы вмѣстѣ. У меня такое прекрасное настроеніе. Я выпью немного бѣлаго вина. Хмурьтесь, хмурьтесь. Я хотѣла бы чокнуться съ вами, но вы... глупый. Глупый, да. Явились ко мнѣ въ видѣ скучнаго письма! Вотъ въ наказаніе беру черный карандашъ для бровей и пачкаю вашъ противный коричневый конвертъ.

Глупый! Вѣдь, у васъ, какъ и у меня только одна жизнь.

Уже вечеръ. Горитъ лампа на моемъ столикѣ. Окно гостиной раскрыто, и вѣтеръ дергаетъ кисейная занавѣски. Опять побесѣдую съ вами передъ сномъ.

Послѣ обѣда пришла подруга. Мы сидѣли на террасѣ и пили чай. Мой весенній садикъ такъ благоухалъ. Говорили о разныхъ разностяхъ. Соня Федотова (вы съ нею познакомились у меня) выходитъ замужъ. Великолѣпно. Ей уже тридцать лѣтъ. Пора. Характеръ становится тяжелымъ, придирчивымъ.

Довольно, буду серьезной. Мнѣ и самой хочется, наконецъ, выяснить вамъ все.

Вы пишете, что въ наше время любовь сдѣлалась какою-то праздной забавой, что она лишилась своей поэзіи и превратилась въ голую чувственность. Вы чуть ли не плачете надъ судьбой современныхъ дѣвушекъ, которыхъ уже

не знаютъ, что такое преданное, благоговѣйное обожаніе. Вы упрекаете меня въ легкомыслии, говорите, что васъ все мучаетъ: и мои знакомые, и мое пристрастіе къ верховойѣ Ѣздѣ, и даже лаунѣ-теннисъ.

Ахъ, мой старый романтикъ, жизнь идетъ впередъ, и возможно, что именно современная дѣвушки совсѣмъ не жалѣютъ о вашемъ поэтическомъ обожаніи. Васъ губить теорія.

Я васъ не понимаю. Вы говорите, что любите меня, что это какое-то мучительное безуміе, что иногда васъ охватываетъ ужасное отчаяніе.

Не скрываю,—это мнѣ пріятно. Пріятно, что я для васъ такъ дорога; пріятно, что вы дѣлаете изъ меня божество. Но откуда столь-

ко страданія? Право, васъ испортили умныя книги!]

Я, вѣдь, тоже люблю васъ. Вы очень хороший, мягкий, нѣжный. Я часто вспоминаю, какъ вы цѣловали мои руки. Тогда ваши глаза были такими свѣтлыми и благодарными.

Право, я люблю васъ. Въ чёмъ же дѣло? За что такие упреки?

По вашему выходитъ такъ: любишь, такъ сиди гдѣ-нибудь въ темномъ углу и вздыхай по цѣльмъ днямъ. А если не вздыхаешь и играешь въ лаунѣ-теннисъ, или идешь въ театръ, то, значитъ и любви нѣтъ.

(Окончаніе въ четвергъ).

Ал. Станкевичъ.

